

Сотворение университетской истории

Рецензия на книгу: Вишленкова Е. А., Савельева И. М. (ред.) (2013) Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М.: Изд. дом ВШЭ.

Я. Б. Руднева

Статья поступила
в редакцию
в ноябре 2014 г.

Руднева Яна Борисовна

кандидат исторических наук, проректор по научной и инновационной деятельности ГАОУ ДПО «Институт развития образования Республики Татарстан». Адрес: Россия, 420111, г. Казань, ул. Кремлевская, 9. E-mail: ya.rudneva@rambler.ru

Аннотация. Автор считает перспективным выделение университетских исследований в самостоятельную дисциплину. Она находится в стадии становления: концептуализации своего предметного поля и апробирова-

ния различных дисциплинарных подходов к описанию университета как гетерогенного объекта. Примером эффективного объединения усилий специалистов в разных областях науки для изучения проблематики существования и видоизменения университетов является рецензируемая коллективная монография.

Ключевые слова: университеты, университетские исследования, история образования, русская модель образования, профессора, университетское сообщество, университетская традиция, университетская докса.

Возрастание на рубеже XX–XXI вв. интереса к изучению прошлого и настоящего российских университетов обусловлено целым рядом причин. С одной стороны, на протяжении веков университет подвергался трансформациям, связанным с изменениями представлений современников о его назначении в обществе. С другой стороны, импортированная с Запада институция продемонстрировала в России невероятную витальность. Она и поныне сохраняет за собой ключевые позиции в воспроизводстве интеллектуальных элит и создании нового знания. В наши дни университетская тема оказалась в центре публичных дебатов, сфокусированных на проблемах правопреемственности и аутентичности «русской модели образования»¹.

¹ Сошлемся в качестве примера на аннотацию следующего содержания: «В статье предпринимается попытка проследить процесс отечественного университетского строительства, начиная с эпохи Петра Первого, как единый процесс в динамике трех без малого столетий с учетом

В то же время университетские исследования — область относительно новая в российских гуманитарных науках. Она находится в стадии становления: концептуализации своего предметного поля и апробирования различных дисциплинарных подходов к описанию университета как гетерогенного объекта. Учитывая нынешнюю ситуацию активного междисциплинарного взаимодействия, которое вот уже несколько десятилетий является «неотъемлемой характеристикой состояния социально-гуманитарного знания и научного знания как такового» [Репина, 2011. С. 26], выделение университетских исследований в самостоятельную дисциплину представляется вполне перспективным. Плодотворность объединенных усилий представителей разных социальных и гуманитарных наук в осуществлении таких проектов продемонстрировал авторский коллектив монографии «Словесие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов».

Выбор в качестве объекта изучения профессоров как «высоко рефлексивной группы», имеющей собственную когнитивную специфику (с. 7), указывает на культурно-антропологическую перспективу. Такого типа исследование направлено на учет «человеческого измерения» в процессах существования и видоизменения университетов. Кроме того, многомерность объекта и субъекта университетских историй побуждает авторов, во-первых, избегать претензий на универсализм в трактовках понятия «университетское сообщество» и, во-вторых, не ограничивать исследовательское поле определенным временем и местом. «Хронологически и территориально, — пишут редакторы данного издания, — мы не ограничиваемся границами существования Российской империи постольку, поскольку университетская жизнь здесь продолжалась и при советском режиме и после него, а также потому, что она была связана с университетами других стран» (с. 7–8).

Задекларированное во вводной части книги видение проблемы — «Для нас главный вопрос заключался не в том, чем „на самом деле“ был университет, а в том, как в каждый конкретный момент его мыслили и представляли разные агенты извне

данных современного обществознания. Главная новация исследования связана с понятием „русских моделей образования“, введенным в научный оборот В. В. Путиным. В соответствии с ним развитие русских университетов было обусловлено активной образовательной политикой, ставшей „делом государственной важности, которым целенаправленно занимались на самом высоком государственном уровне“. В отличие от утвердившегося в литературе метода оценивать развитие отечественной высшей школы в зависимости от приближения к западным образцам или отдаления от них как поочередно сменяющихся реформ и контрреформ, авторы предлагают рассматривать его как неуклонное и поэтапное восхождение на подиум мирового университетского сообщества» [Олесеюк, Олесеюк, Харламова, 2009. С. 5].

и изнутри» (с. 6) — свидетельствует о намерении авторского коллектива выявлять современные изучаемым временам категории культуры, объяснять (а не пересказывать) читателю свидетельства источников.

Выявление дискурсивной природы этих свидетельств и созданных на их основе нарративов было бы невозможно без так называемой чувствительности к теории [Савельева, 2013]. Не случайно открывает монографию очерк О. Н. Запорожец «Навигатор по карте историко-социологических исследований университета», в котором прослеживаются поворотные работы и идеи, создавшие инструментарий для современного осмысления феномена «университет». «Навигатор», предназначенный для передвижения «в весьма сложном и противоречивом интеллектуальном пространстве университетских исследований» (с. 21), действительно позволяет сориентироваться в многообразии концепций о месте университета в системе общественных связей, его социальных функциях и роли, специфике его взаимосвязей с окружающей средой.

Собранные под одной обложкой исторические статьи поражают не меньшим, чем в социологических исследованиях университета, разнообразием инструментальной обработки материала источников. Роль «концептуального клея» для них выполнила аналитическая категория «университетская докса», предложенная известным французским социологом и философом П. Бурдьё. Докса представляет собой «то, что университеты считают само собой разумеющимся и потому применяют к *alma mater* мыслительные категории, произведенные ими самими» [Бурдьё, 1996]. Редакторы издания считают, что именно докса «с помощью риторических высказываний и саморепрезентаций, которые вырабатываются поколениями учащихся и учащих» (с. 20), регулировала внимание историков и определяла способы осмысления ими университетской жизни.

Для всей книги характерно постоянное выявление связи между прошлым и настоящим, обнаружение исторических аллюзий, параллелей между разновременными событиями. При этом для участников проекта, осознающих возможную субъективность взгляда на университет «изнутри», очевидна необходимость ревизии критериев научной объективности и способов контроля над собственной исследовательской деятельностью.

Структурно монография состоит из трех разделов. В разделе «Университетские самоописания» собраны исследования и размышления об эпистемологической достоверности саморепрезентаций, «созданных профессорами и авторами, получившими право высказываться о его (университета. — Я. Р.) миссии/назначении, нынешнем состоянии и создавать версии „своего“ коллективного прошлого» (с. 10). Чтобы раскрыть эту тему, потребовалось собрать воедино разножанровые тексты и источники разных

видов (периодическая печать, мемуары, делопроизводственные документы, постановления и распоряжения, институциональные истории) и обработать их совокупностью рутинных и экспериментальных методов (реконструкция, деконструкция, просопография, дискурс-анализ и проч.).

Открывает данный раздел программная статья Е. А. Вишленковой и А. Н. Дмитриева «Прагматика традиции, или Актуальное прошлое для российских университетов». Проблематизировав ключевое для университетских дебатов понятие «традиция», авторы сосредоточили внимание на парадоксах «большого исторического нарратива», становящихся очевидными в ситуациях, когда традиция подвергается ревизии в интересах настоящего (идея М. Хальбвакса, развитая в 1980-е годы Э. Хобсбаумом и Т. Рейнджером).

Как выяснилось, российским создателям «больших нарративов» свойственны априорное признание непрерывности, линейности исторического развития, стремление к «упорядоченной континуальности», достигаемой ценой стирания локальных различий университетского прошлого, строительство «общей» истории, разделенной университетскими уставами и политическими событиями, гомогенизация разрозненных событий и явлений посредством абстрактных понятий «университетская идея», «университетская система» или «университетская модель» (с. 64).

Обнаружение свидетельств того, что в России начала XIX в. сотворение университетской истории было санкционировано государством, позволило исследователям объяснить постоянное тяготение университетского «большого нарратива» к истории правительственной политики. Идеи, сформулированные в 1840-е годы министром народного просвещения С. С. Уваровым, в течение нескольких десятилетий определяли доминирование так называемого государственнического дискурса, в котором университеты представляли «всегда бывшим» национальным явлением, а государство — «единственным архитектором российского просвещения» (с. 67). Это яркое подтверждение известной сентенции Д. Тоша: «Обращение к „основам“, существующим „с незапамятных времен“, порождает мощное ощущение национальной исключительности, но не имеет никакого отношения к исторической науке» [Тош, 2000. С. 24].

Анализируя нарративы университетского прошлого советского и постсоветского времени, авторы выявили фазы перехода от одного варианта официально одобренного дискурса к другому через полученные от разных политических акторов «заказы на традицию» (с. 89). Сакральность созданной традиции камуфлирует интересы ее создателей и охраняется ради определенных целей: удержания идентичности, рекламы, пропаганды образования, мифологизации университета, извлечения политических и финансовых льгот» (с. 93).

Этот несколько категоричный вывод требует, на мой взгляд, уточнений в силу того, что «текст не может не отражать особенности когнитивного стиля как коллективного, так и единичного субъекта» [Гришаева, 2012. С. 199]. По мнению авторов, профессионал, создавая «большую» историю и «экстрагируя из нее традицию посредством процедуры типологизации источниковых данных», «должен верить в наличие „объективных“ признаков и характерных черт изучаемого прошлого» (с. 61). Это утверждение осталось декларацией и не было аргументировано. Должен профессионал верить или действительно верует? Осознает ли он мифотворческий характер собственного труда? Наконец, что он добавляет от себя, так сказать, неосознанно, вплетая в коллективную память собственный индивидуальный опыт? Надеюсь, что дальнейшее исследование отечественных университетских традиций даст развернутые ответы на эти вопросы.

Проблеме дискурсивной природы исторических источников и созданных на их основе нарративов посвящена статья И. П. Кулаковой «Протоколы конференции Московского университета как вариант самоописания». Здесь в центре внимания оказался комплекс делопроизводственных документов времени становления Московского университета (1755–1786), известный как «снегиревское собрание». Выясняя, «является ли зафиксированная в протоколах версия реальности согласованным корпоративным творчеством или это сумма непреднамеренных разрозненных свидетельств» (с. 98), автор сосредоточилась на механизмах производства и фиксации высказываний, скрытых мотивах создания текста, семантике отдельных его элементов. Такой подход позволил И. П. Кулаковой не только вскрыть полидискурсивный характер источника, но и обоснованно заявить, что некритическое использование протоколов конференции «обеспечивает воспроизведение в университетских исследованиях коллективной мифологии профессоров XVIII в.» (с. 113).

Особого внимания заслуживает авторская ревизия историографических интерпретаций рассматриваемого «снегиревского собрания». Она необходима для понимания их кажущейся объективности и достоверности. Констатируя тот факт, что и в «XXI в. истории Московского университета XVIII в. продолжают создаваться по лекалам Шевырева, с его же цитатами и приправой из национально-патриотических аллюзий советского времени» (с. 101), Кулакова актуализировала важный для профессиональной ответственности историка вопрос о необходимости глубокой рефлексии над аналитическими процедурами. Без этого не бывает движения к правдивости (по определению П. Рикера).

Совместная работа А. Е. Иванова и И. П. Кулаковой «Ипостаси русского профессора: социальные высказывания рубежа XIX–XX вв.» относится к области «этнографии университетского сообщества». На основе мемуарных источников исследователи

фиксируют качественный процесс «переструктурирования» профессорского сословия на рубеже XIX–XX вв. Он был спровоцирован выходом части профессоров «в публичное пространство политики, предпринимательства и социальной экспертизы» (с. 114). Интересен вывод о том, что активность «профессоров-новаторов» в освоении социального пространства за пределами университета «не была «общим местом» и порождала противоречия внутри «ученого сословия» (с. 128). Однако воссозданный на основе персональных текстов коллективный портрет в конечном итоге «стер» различия между новаторами и традиционалистами. Для обозначения перспективы аналитической работы с персональными текстами университетариев имеет смысл сослаться на призыв авторов монографии «Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность» защищаться от «интерпретаций, созданных университетскими людьми и заложенных в архиве как в хранилище корпоративной памяти» [Вишленкова, Галиуллина, Ильина, 2012. С. 9].

Завершают первый раздел два взаимодополняющих исследования, в которых рассмотрена роль университетских изданий в регулировании корпоративных иерархий через институционализацию научного творчества. Нетрадиционный взгляд на историю академических изданий как на «эволюцию практик государственного управления, корпоративной саморегуляции, профессиональной самоорганизации и нормализации разных сфер университетской жизни» (с. 135) представлен в очерке Р. Х. Галиуллиной и К. А. Ильиной «Журналы о себе и для себя: университетские издания первой половины XIX в.».

Выявление условий становления университетской периодики в первой половине XIX в. позволило впервые обнаружить особую организационно-управленческую миссию, возложенную С. С. Уваровым на Журнал Министерства народного просвещения. По утверждению авторов, функции этого журнала не ограничивались унификацией научного производства. Он стал одним из действенных рычагов новой кадровой политики в отношении ученого сообщества, изменившей в конечном счете конфигурацию университетской культуры. Такая же роль отводилась «Ученым запискам», вытеснившим по инициативе министерства локальные издания, чтобы «пресечь в университетах складывание нежелательных форм коллегиальности» (с. 150). Безусловным достоинством статьи является сравнительный анализ специфики научно-издательской политики власти в столичном (Москва) и провинциальном (Казань) университетах.

Б. Е. Степанов, автор очерка «„Натуральное хозяйство“: формы университетской солидарности и научных коммуникаций в постсоветский период», проанализировал специфику определенного вида университетских изданий — вестников. Они, по мнению автора, стали важным инструментом символическо-

го представления и органами воспроизводства корпоративной памяти. Вестники переформатировали университетское пространство в нашей стране: в отличие от Журнала Министерства народного просвещения они стимулировали локальную научную коммуникацию.

Во второй части монографии «Сравнительные и переплетенные истории» университетское сообщество является объектом компаративистского анализа. Цель такого подхода состоит не в поиске различий, а в определении участия в формировании характера университетов местной культурной среды. Внимание здесь сфокусировано на латентных механизмах профессорской солидарности, действовавших в разные времена и в разных странах.

В статье «Трансфер и сравнение: университетские сообщества России и Германии» немецкий историк Я. Кусбер рассуждает о возможностях и ограничениях сравнительного метода в изучении университетов. С XIX в. и по сей день сопоставление российских и немецких университетов является популярной темой в отечественной историографии. Однако сравнение сравнению рознь. Всегда важно, что или кто при этом фигурирует в качестве образца или идеала. По мнению автора, продуктивной для компаративных исследований может быть теория культурного трансфера, включающая в поле исследования совокупность механизмов трансляции многообразных форм университетской культуры. Только после их выявления возможны релевантные рассуждения о специфике российской и германской университетских систем, а также о «различиях в идентичностях русских и немецких профессоров» (с. 204). В современной историографии условия и факторы межуниверситетских коммуникаций изучены довольно слабо. Исследователям университетского прошлого еще предстоит создать единую базу данных и найти способы их адекватной интерпретации.

Один из вариантов культурного трансфера представила в своей статье «Реакция западных экспертов на русскую „профессорскую конституцию“ 1906 г.» польский историк И. Шиллер-Валицка. Она анализировала экспертные оценки проекта университетского устава, разработанного комиссией И. И. Толстого. Сопоставляя тексты западноевропейских классиков теории и практики академического права Ф. Паульсена, В. Лексиса, Э. Ленинга, а также профессора Санкт-Петербургского университета Тадеуша (Фаддея Францевича) Зелинского, автор заметила изменения в профессорской идентификации. Она установила зависимость представлений ученого сословия об идеальном университете от контекста восприятия. Не случайно стремление западных экспертов нивелировать культурную дистанцию для продуктивного идейного трансфера сопровождалось «поис-

ком отличий русского университета от немецкого и в целом европейского» (с. 282).

В статье «Профессора „старые“ и „новые“: „антиколлегальная“ реформа С. С. Уварова» Т. В. Костина рассмотрела причины и последствия реформы государственного управления университетами середины 1830-х годов. Она попыталась разобраться, «какие именно черты корпораций работали не в пользу, а во вред университетам, изнутри поддерживая кадровый голод» (с. 216). Такая постановка проблемы позволила выявлять поведенческие стратегии и дискурсивные практики, направленные на замещение институциональных норм корпоративными и на производство новых властных отношений. Сопоставление до- и послереформенного состояния ученого сообщества позволило Т. В. Костиной провести переоценку как результатов самой реформы, так и мотивов ее инициатора С. С. Уварова.

В очерке «Историки императорского Варшавского университета: условия формирования пограничной идентичности» А. Ю. Баженова представила результаты просопографического анализа локальной группы — профессоров-историков, «служивших делу науки и преподавания в условиях перманентного конфликта национальных и имперских интересов» (с. 242). Здесь сравнение «спрятано» в самой ситуации пограничья, в котором служили польским студентам профессора русской истории. Автор прослеживает сделанные ими индивидуальные выборы.

Авторы статей, объединенных в рубрику «Коммеморативная солидарность», работали с теми самыми образами индивидуальной и коллективной памяти, о которых И. М. Савельева писала еще в 2004 г.² Здесь историк сталкивается с проблемой определения статуса источникового свидетельства: является ли оно фиксацией (пусть даже искаженной) реальных событий или коллективной мифологией. Чтобы определить этот статус, необходимо понимание исторической культуры университетского сообщества, того, как оно воспринимает прошлое, для чего использует. В теоретической статье И. М. Савельевой «Классическое наследие в структуре университетской памяти» показана множественность ролей, которые играет «классика» в качестве «ядра корпоративной памяти». На основе письменных и устных

² «Рассматривая образы ключевых для общества событий и исторических личностей как „места памяти“, которые, с одной стороны, локализируются на хронологической оси, а с другой — в пространственных объектах и действиях (коммеморациях), историки могут в совершенно новом ракурсе репрезентировать структуру коллективных представлений о прошлом в разных сообществах. В связи с такой постановкой вопроса задача историков, специализирующихся в области исторической памяти, заключается не в том, чтобы реконструировать идеи, а в том, чтобы описывать образы, в которых когда-то жила коллективная память и в которых она существует в наши дни» [Савельева, 2004. С. 401–402].

воспоминаний отечественных филологов-классиков В. В. Файер показал, как «этика памяти ученого сословия проявляется в описаниях академических конфликтов» (с. 302).

В статье Т. Маурер «Патриотизм, сдержанность и самоутверждение. Празднование патриотических юбилеев в университетах России и Германии в 1912–1913 гг.» (с. 316–328) сопоставление является не аналитической процедурой, а итогом исследования.

О дискурсивности университетских делопроизводственных документов, ставшей результатом «продуманной тактики отбора, хранения, уничтожения и систематизации» (с. 333) и обнаруживающей «власть архивного служителя над историографической картиной прошлого» (с. 17), заявили в статье «Архивариус: хранитель и создатель университетского прошлого» К. А. Ильина и Е. А. Вишленкова.

Наконец, А. Н. Дмитриев предложил несколько общих наблюдений над типичными свойствами и особенностями мемуарных текстов постсоветских представителей академической интеллигенции (с. 358–384).

Подводя итоги, отмечу, что университетские исследования как сравнительно новая дисциплинарная область испытывает явную потребность в определении своей специфики. Книга «Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов» представила читателю целый ряд оригинальных авторских концепций. Думаю, что она станет стимулом для историков, которые смогут применить аналитические находки авторов к собранному эмпирическому материалу.

Удалось ли авторам этой книги коллективными усилиями приподнять край доксы и раскодировать транслируемые университетским сообществом представления о самом себе? Думается, что да — и особенно принимая во внимание тот факт, что в России исследования в области феноменологии социальных репрезентаций, по существу, только начинаются.

Проведенная авторским коллективом работа представляет интерес не только для историков университетов. Ее научная значимость состоит в утверждении той самой позитивной тенденции, о которой писала Л. П. Репина: «ярко выраженной теоретической рефлексии историков над проблемами исторического исследования и способами построения исторических текстов. Трудности познавательной переориентации и соответствующей перестройки профессиональных конвенций, необходимость теоретического осмысления собственной историографической практики осознаются ведущими историками, придерживающимися различных методологических парадигм...» [Репина, 2011. С. 557].

Литература

1. Бурдые П. (1996) Университетская докса и творчество: против схоластических делений <http://bourdieu.name/content/burde-universitetskaja-doksa-i-tvorchestvo-protiv-sholasticheskikh-delenij>
2. Вишленкова Е. А., Галиуллина Р. Х., Ильина К. А. (2012) Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение.
3. Гришаева Л. И. (2012) Содержание культурно-специфических стереотипов и организация текста // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л. П. Репиной. М.: ЛКИ.
4. Олесеюк Е. В., Олесеюк А. И., Харламова Т. Н. (2009) Российская высшая школа (проблемы изучения ее истории) // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Педагогика и психология. 2009. № 1. С. 5–26.
5. Репина Л. П. (2011) Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ.
6. Савельева И. М. (2013) FAQ: Границы исторической науки <http://postnauka.ru/faq/10030>
7. Савельева И. М. (2004) Перекрестки памяти. Послесловие // Хаттон П. Х. История как искусство памяти. М.: Владимир Даль.
8. Тош Д. (2000) Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь мир.

Creating the History of University

Review of the book: Vishlenkova Y., Savelyeva I. (eds) (2013) *The Social Class of Russian Professors. Architects of Statuses and Implications. Moscow: National Research University—Higher School of Economics.*

Author **Yana Rudneva**

Candidate of Sciences in History, Prorector for Research and Development, The State Autonomous Educational Institution of Further Vocational Education "Institute for Educational Development of the Republic of Tatarstan". Address: 9 Kremlyovskaya str., 420111, Kazan, Russian Federation. Email: ya.rudneva@rambler.ru

Abstract A lot of potential is held by classifying university research as an individual discipline. Its evolution is now progressing through conceptualizing the subject field and testing various disciplinary approaches towards describing the university as a heterogeneous object. The reviewed multi-authored monograph serves an example of how efforts of experts in different fields can be efficiently integrated to study the range of problems associated with university existence and transformation. The monograph includes a number of original authors' theories that may help define the unique features of the new disciplinary field. The articles contained in the monograph refer to the critical oeuvres and ideas that provided for the tools required for present-day reinterpretation of the notion of university; the authors unveil the paradoxes of "the great historical narrative" that come to surface when traditions of the past are revised for the sake of the present; the monograph also investigates into the issue of discursive nature of historical sources and narratives created on their basis.

Keywords universities, university research, history of education, Russian model of education, professors, university community, university tradition, university doxa.

- References Bourdieu P. (1996) *Universitetskaya doksa i tvorchestvo: protiv shkolisticheskikh deleniy* [University Doxa and Oeuvres: Against Scholastic Differentiation]. Available at: <http://bourdieu.name/content/burde-universitetskaja-doksa-i-tvorchestvo-protiv-sholasticheskikh-delenij> (accessed 10 February 2015).
- Grishayeva L. (2012) Soderzhaniye kulturno-spetsificheskikh stereotipov i organizatsiya teksta [The Nature of Culture-Specific Stereotypes and Text Organization]. *Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metody, perspektivy* [The Science of History Today: Theories, Methods, Horizons] (ed. L. Repina), Moscow: LKI.
- Oleseyuk Y., Oleseyuk A., Kharlamova T. (2009) Rossiyskaya vysshaya shkola (problemy izucheniya eyo istorii) [Russian Higher School (Problems of Studying Its History)]. *Vestnik MGGU im. M. A. Sholokhova. Pedagogika i psikhologiya*, no 1, pp. 5–26.
- Repina L. (2011) *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsialnye teorii i istoriograficheskaya praktika* [Historical Science at the Turn of the 21st Century: Social Theories and Historiographic Practice]. Moscow: Krug.
- Savelyeva I. (2004) Perekryostki pamyati [Crossroads of Memory]. Afterword to: Hutton P. *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as an Art of Memory], Moscow: Vladimir Dal.

-
- Savelyeva I. (2013) FAQ: *Granitsy istoricheskoy nauki* [The Scope of the Historical Science]. Available at: <http://postnauka.ru/faq/10030> (accessed 10 February 2015).
- Tosh J. (2000) *Stremeniye k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika* [The Pursuit of History. Aims, Methods and New Directions in the Study of Modern History]. Moscow: Ves mir.
- Vishlenkova Y., Galiullina R., Ilyina K. (2012) *Russkie professora: universitetskaya korporativnost ili professionalnaya solidarnost* [Russian Professors: Corporate Culture or Professional Solidarity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.